
ПСИХОЛОГИЯ

DOI 10.24411/1813-145X-2018-10016
УДК 159.9

Н. Ю. Стоюхина
<https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

В. А. Мазилев
<https://orcid.org/0000-0001-9968-7153>

Иван Пименович Четвериков: эпохи жизни

Статья посвящена описанию жизненного пути и работ русского ученого И. П. Четверикова, который в 1920-е гг. работал профессором Ярославского педагогического института. В имеющейся литературе мало упоминаний о нем. В настоящей статье предпринимается попытка собрать информацию из доступных источников и сопоставить различающиеся сведения. Это актуальная исследовательская задача, поскольку немногочисленные сведения страдают существенными разночтениями, возможные причины которых также обсуждаются в статье. Основное содержание статьи базируется на новых данных и сведениях, полученных авторами в архивах. Эти данные впервые вводятся в научный оборот и позволяют создать достаточно целостную картину. Обнаруженные авторами статьи тексты рукописей И. П. Четверикова, готовящиеся к публикации, позволяют утверждать, что в 20-е гг. XX столетия в Ярославле работал выдающийся методолог психологии, работы которого до сих пор не опубликованы и, следовательно, абсолютно неизвестны психологическому сообществу. Текст рукописи «Эмпиризм в психологии» (1929 г.) свидетельствует, что автор продолжает традиции отечественной методологии (Н. Н. Ланге, В. Н. Ивановский, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн и др.). Констатируем, что работа И. П. Четверикова оказывается в одном ряду с этими классическими сочинениями. Можно полагать, что после публикации рукописей оценка вклада И. П. Четверикова существенно изменится. Таким образом, в статье открывается новое для методологии психологии имя – И. П. Четверикова.

Ключевые слова: психология, история психологии, И. П. Четвериков, репрессии, психологи русского зарубежья.

PSYCHOLOGY

N. Yu. Stoyukhina, V. A. Mazilov

Ivan Pimenovich Chetverikov: Life Eras

The article is devoted to the description of the way of life and works of Russian scientist I. P. Chetverikov. Professor I. P. Chetverikov worked as a professor of Yaroslavl pedagogical institute in 1920-s. In the available literature there are not enough mentions about I. P. Chetverikov. In the present article an attempt is made to collect information from available sources and to compare different data. It is a relevant research task, as not numerous data suffer from essential discrepancies. In the article the possible reasons of discrepancies are discussed. The main contents of the article are based on new information received by authors of the article in archives. These data are introduced for the scientific use for the first time and allow us to integrate separate data into a rather complete picture. Articles found by authors are texts of I. P. Chetverikov's manuscripts which are being prepared for publication now, they allow us to claim that in the twenties of the XX century in Yaroslavl the outstanding methodologist of psychology whose works have not been published yet, worked and, therefore, are absolutely unknown to psychological community. The text of the manuscript «Empiricism in psychology» (1929) demonstrates that the author carries on traditions of national methodology (N. N. Lange, V. N. Ivanovsky, L. S. Vygotsky, A. R. Luriya, S. L. Rubenstein, etc.). We note that I. P. Chetverikov's work appears in the same row with these classical compositions. It is possible to believe that after the publication of manuscripts assessment of I. P. Chetverikov's contribution will be significantly changed. The present publication adds information to data on Chetverikov's activity during this period especially as texts of manuscripts of the articles found by the authors, which are being prepared for publication now, allow us to claim that in the twenties of the XX century in Yaroslavl the outstanding methodologist of psychology, whose works have not been published yet, worked and, therefore, are unknown to psychological community. In the article the name, new to psychology methodology, – I. P. Chetverikov is revealed.

Keywords: psychology, psychology history, I. P. Chetverikov, repressions, psychologists of the Russian abroad.

Ярославский государственный педагогический университет имеет богатую и славную историю. В начавшемся году вуз отметит 110 лет своего существования. Это годы служения делу просвещения и образования, процветанию России. В вузе бережно сохраняют память о прошлом: функционирует музей ЯГПУ, в Голубом зале – портреты выдающихся профессоров университета, издаются книги, посвященные деятельности профессоров, работавших в университете в прошедшие годы [20]. Несмотря на активность исследователей университета, в его истории много белых пятен. Одно из них – деятельность профессора Ивана Пименовича Четверикова (1875–1969), работавшего в Ярославском пединституте в 1920-е гг., о трудах и днях которого известно совсем немного. Настоящая публикация добавляет информацию к данным о деятельности Четверикова в этот период, тем более, что найденные авторами тексты рукописей, которые сейчас готовятся к публикации, позволяют утверждать, что в 20-е гг. XX столетия в Ярославле работал выдающийся методолог психологии, работы которого до сих пор не опубликованы и, следовательно, неизвестны психологическому сообществу.

Мировая история психологии, как уже неоднократно приходилось отмечать, страдает неполнотой и содержит очевидные лакуны, пропуски, «белые пятна». Втройне это справедливо, если речь идет об истории отечественной психологии в 1920–1940 гг. [12, 28]. История отечественной психологии в сколь-нибудь полном объеме пока вообще не написана. Это банальное утверждение, к сожалению, верно в абсолютной степени. Как следствие, многие достойные люди, внесшие значительный вклад в развитие российской психологии (часто и мировой тоже), не представлены в истории психологической науки так, как они того, несомненно, заслуживают. Особенно если в их жизни возникли обстоятельства, осложняющие однозначность оценки или идентификации. Думается, в разделе истории отечественной психологии, посвященном психологам русского зарубежья, вряд ли найдутся «простые» судьбы. Тем более что двадцатый век был на удивление суров к нашему отечеству и оказался настолько бурным, что покалеченными остались судьбы миллионов...

Большим событием для ученых-гуманитариев стало издание в Киеве двухтомной энциклопедии «Киевская духовная академия в именах: 1819–1924», посвященной 400-летию Киево-Могилянской академии [10]. Одно из 648 имен

выпускников, преподавателей, ректоров, инспекторов принадлежит ее выпускнику и преподавателю Ивану Пименовичу Четверикову (1875–1969).

«Времена не выбирают, в них живут и умирают», – блистательные строки выдающегося отечественного поэта А. Кушнера. Вот и И. П. Четверикову выпали совсем не простые времена, но в них протекала его жизнь... В 29 г. он писал про эпоху импрессионизма... Начинаясь другая эпоха... Возможно, еще найдутся документы более позднего времени, в которых Четвериков определил наступившую... Жизнь непредсказуема, времена действительно не выбирают...

Непроясненность фактов жизни до сих пор удивляет исследователей его судьбы и творчества [25, 26]; в этом вопросе, впрочем, надо отдать должное усилиям М. Л. Ткачук, на сегодняшний день создавшей наиболее полный рассказ о жизни Четверикова [29]. Мы постараемся расширить представление о его судьбе за счет привлечения недавно найденных биографических данных. Выражаем благодарность за помощь Изабелле Федоровне Четвериковой, жене сына Ивана Пименовича, неутомимой искательнице новых фактов из жизни свекра, другим родственникам.

Заметим, что трудности в установлении точных данных, касающихся биографии Четверикова, будто специально были заданы самим Иваном Пименовичем. Так, будучи 1875 г. рождения, он с какого-то времени (до 1920 г.) начинает указывать другие даты, например, только в карточке-формуляре, хранящемся в архиве ГАХН, несколько расходящихся фактов. Так, указаны годы рождения – 1879 и 1880; годы поступления на службу в ГАХН – и 4 мая 1921, и «с 1922 г. состою на службе в данном учреждении» [22, л. 19]; на вопрос, какое учебное учреждение закончил, дважды пишет: «Киевскую академию», избегая слова «духовную», и диссертацию свою называет «Понятие о личности в новой философии» [22, л. 5], хотя в действительности это известная диссертация «О Боге как личном существе» (1903 г.).

Итак, окончив Веневское духовное училище, Тульскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию, в 1899 г. Четвериков, кандидат богословия, приступил к педагогической и научной деятельности, тем самым определив свою жизнь на долгие годы вперед: он преподавал в Екатеринодарском епархиальном училище, Калужской духовной семинарии, на Высших женских курсах А. В. Жекулиной, во Фребелевском

женском педагогическом институте, в Музыкально-драматической школе М. К. Лесневич-Носовой, в Киевской духовной академии и пр.; стажировался в Лейпцигском, Мюнхенском и Геттингенском университетах, стал членом Института экспериментальной психологии Вундта. Его диссертация «О Боге как личном существе. Богословско-философское исследование» заслужила высокие оценки коллег. В 1918 г. был избран профессором психологии в новый Таврический университет, но, когда Крым заняла Красная армия в ноябре 1920 г., с группой профессоров был выслан [5].

5 мая 1921 г. Нарком просвещения А. В. Луначарский подписывает удостоверение на право выезда из Крыма профессора Четверикова с семьей (жена Аделаида Адольфовна (венчались 19 января 1920 г.), дочь Наташа, теща Доротея Гольденберг), а также семей неустановленных Зелениных и Полюновых и просит «советские и железнодорожные власти, как в Крыму, так и вдоль пути, оказывать всяческое содействие в проезде этих лиц, приезд которых в Москву по разным причинам найден совершенно необходимым» [5].

Оказавшись в Москве, Четвериков начинает работать сразу в нескольких местах, о некоторых из них сохранились воспоминания других людей.

Педагог, поэтесса, писательница и литературовед Софья Николаевна Шиль (1863–1928), работавшая под псевдонимом Сергей Орловский, пишет об Иване Пименовиче – лекторе, преподававшем в ее литературном и художественном вольном кружке «Камена» с января 1922 г. И. П. Четвериков читал курс эстетики, его лекции, изданные на каких-то педагогических курсах, С. Н. Шиль видела, автор заинтересовал ее «философской широтой своей и яркой определенностью». И хотя «первая лекция по эстетике профессора И. П. Четверикова собрала полную залу и доставила ему всеобщее поклонение» [18, с. 158], в дальнейшем Софья Николаевна огорчалась из-за равнодушия слушателей к этим лекциям: «Должно думать, они были слишком трудны, или непривычка к философскому мышлению сказывалась. Обстановка тоже была плохая. В темном пустынном деревянном доме отпирала нам двери престарелая няня; мы являлись со своей лампочкой, привинчивали ее и озирали запущенные поломанные старые скамьи, доверху промерзшие окна и все то заброшенное, что к 1922 г. осталось от прежнего. Мерзли, сидя все наши часы в шубах, с удовольствием уходили. Так, у И. П. Четверикова собиралось человек 10, а иногда и 4. Он обижался» [18, с. 166]. Впрочем,

плохо посещали не только лекции Ивана Пименовича, но и других профессоров, и вскоре кружок закрылся.

Также Л. П. Борейко в исследовательской работе по истории Высоко-Петровского мужского монастыря добавляет следующий факт: «С 1921 г. в храмах Высоко-Петровского монастыря проходили занятия Московской Духовной академии, которая была изгнана властями в 1919 г. из Троице-Сергиевской лавры. Владыка Варфоломей ранее был ее насельником и профессором Духовной Академии по кафедре Ветхого Завета». В числе группы читавших лекции были профессора Московской Духовной Академии: святитель Илларион (Троицкий), протоиерей Иоанн Смирнов, протоиерей Павел Флоренский, И. В. Попов, С. С. Глаголев, Н. Д. Кузнецов, С. И. Соболевский и др., а также Иван Пименович Четвериков – экстраординарный профессор по кафедре логики и психологии. Официальное существование высших богословских курсов вскоре закончилось [2].

Еще об одном месте работы Ивана Пименовича мы должны сказать особо – это Российская академия художественных наук (затем – Государственная академия художественных наук, ГАХН), куда он поступил на работу, как он пишет, 4 мая 1921 г. [22, л. 1, 35] (в энциклопедии – 4 мая 1922 г. [29, с. 798]), и где занимал должность заместителя заведующего Президиума физико-психологического отделения (1923–1924 гг.), куда входили также А. В. Бакушинский (заведующий) и П. И. Карпов (ученый секретарь). За 1922–1923 гг. три четверти докладов, представленных на общих собраниях Академии, подготовлены физико-психологическим отделением, а Четвериков докладывал «Об экспериментальной лаборатории» [12, с. 416–417]. Задачи отделения предполагали «изучение материала, из которого формируются произведения искусства; изучение формы и законов ее реализации; изучение конструкции в творчестве как принципа воплощения художественного замысла; изучение законов синтетического художественного выражения; изучение композиции в искусстве как принципа построения идеи произведения» [5]. О работе Государственной академии художественных наук написано в книге «Искусство как язык – языки искусства» [7, 8], а более подробно о работе И. П. Четверикова в ГАХН – в нашей статье [29].

Сам Иван Пименович пишет о характере своих работ в ГАХН с 1921 по 1929 г. следующее: «В своей работе в Академии я руководствовался 2 основными принципами: 1. Производить строго научное накапливание фактов, имеющих жиз-

ненное значение в данный момент. А. Мною производилось экспериментальное исследование художественного ритма в его отношении к основным функциям психофизического детского организма (интеллектуальном, волевом и эмоциональном). Этим путем я хотел определить воспитательное значение ритма. Б. В Комиссии по художественному воспитанию, в ее исторических работах, поставлена была задача накопления фактов по истории художественного воспитания. Работа начата была с Греции и Рима по тем сообщениям, что греческая постановка проблемы художественного воспитания возродилась теоретически и практически в современной Германии, и что тогдашние методические приемы воспитания могли бы иметь значение и для нашего времени. В предисловии к сборнику «История художественного воспитания. IV–I. Греция и Рим» я указываю, что наша работа носит характер только накопления фактов, что мы воздерживаемся от их толкования, так как, являясь пионерами в этой области (ни в русской, ни в западной литературе нет трудов по истории художественного воспитания), должны ограничиться предварительной стадией исторического исследования – накоплением фактов. 2. Второй руководящий принцип моей работы состоял в том, что я брал для исследования проблемы, имеющие жизненные значения, и только такие, в разрешении которых не вступал в противоречие с марксизмом. По ходу работы в своей Комиссии мне приходилось касаться принципиальных вопросов психологии в связи с переживаемым ею в настоящее время кризисом. Результатом целого ряда докладов в этом явилась моя работа «Эмпирическое в психологии». Здесь я ставлю своей задачей показать, 1. что психология не может быть оторвана от того или другого мирозерцания, как утверждается эмпириками, 2. что нельзя вслед за старой эмпирической психологией (под «старой» психологией я разумею психологию Вундта, Джемса, Эббингауза и т. д.) изучать человека вне пространства, времени, оторванно от среды, 3. и что статичность эмпирической психологии искажает динамичность живой человеческой личности. Отсюда я намечаю те пути, по которым должно произвести коренную реформу современной психологии. Думаю, что вскрытие и обоснование этих положений, неотчетливо намечавшихся в сборнике института экспериментальной психологии («Психология и марксизм»), отнюдь не противоречит марксизму. Правильность моих утверждений может быть проверена рассмотрением 1. Всего сборника по истории художественного восприятия и моих статей в нем; 2-й

подготовленной к печати работы «Эмпиризм в психологии». Рукопись находится у заведующего лабораторией при ГАХН т. Р. А. Пельше, выразившего желание познакомиться с моим последним трудом; 3. и с находящимся в канцелярии ГАХН протоколами наших комиссий, в которых дано подробное изложение моих докладов» [22, л. 35–36].

Добавим еще работу в Ярославском университете (1921–1930 гг.), о содержании которой известно немного. Так, в 1924 г. Четвериков докладывает на Ярославском губернском медико-санитарном съезде о решении создать в городе центральную психологическую лабораторию, где были бы объединены усилия губоно, губздравотдела и университета на почве борьбы с беспризорностью. Это дало бы возможность сблизить университет с жизнью, привлечь студенчество к общественной работе, придать кафедрам экспериментальной педагогики и экспериментальной психологии производственный характер, когда можно будет проводить практикумы по экспериментальной психологии и педагогике, детской неврологии и психопатологии, изучая беспризорных Ярославского края [34].

О работе Ивана Пименовича в Тверском педагогическом институте в середине 1920-х гг. мы узнаем из сохранившихся воспоминаний очевидцев и статьи самого Четверикова. В. А. Никольский, студент той поры, пишет: «Особенное впечатление на нас, первокурсников, производил профессор И. П. Четвериков. Читавший им курс общей психологии вводил в совершенно новую для нас область знания, позволявшую заглянуть в самих себя. Небольшого роста, с глуховатым голосом, державшийся прямо, не размахивающий руками даже при ходьбе, он казался нам человеком особенной породы. А когда он на улице в своем строгом полупальто и полуцилиндре, со старинным саквояжем в руке, встречался с местным художником-футуристом, украшенным кусочком березовой коры вместо галстука, с нарисованными на щеках цветочками и брючишками до щиколоток, – контраст получался поразительный.

И. П. Четвериков задержался в психологии на позициях психофизиологического параллелизма и считал учение И. П. Павлова недостаточным для понимания психического мира человека. У него на заседаниях ученой комиссии происходили на этой почве стычки с профессором-физиологом Воскресенским» (*Л. Н. Воскресенский читал курс физиологии животных, в 1920-е гг. – председатель Тверского биологического общества.*) [15, с. 78–79].

Впрочем, другой участник тех событий отмечает, что студенты были недовольны лекциями Четверикова, и «не видя практического приложения знаний из психологии в том виде, как она читалась в институте проф. Четвериковым, большая группа студентов IV курса просила организовать чтение особого курса педагогической психологии» [9, с. 34].

Из статьи самого Ивана Пименовича узнаем о его практической деятельности в Твери: предстоит большая совместная со студентами института работа во время педологического практикума – «установление степени общей и интеллектуальной одаренности» детей, поступивших в городские школы 1-й ступени. Такое исследование было характерно для того времени в рамках выявления трудных детей и проводилось во множестве школ и педологических лабораторий в СССР. Учителя, врачи были обеспокоены приходом в школы детей, «зачатых и родившихся в тяжелые годы разрухи конца Мировой войны, начал революции и Гражданской войны. Целый ряд ненормальных явлений этого периода не мог не отразиться на организме родителей, а через них – и детей. <...> эти дети заражающим образом действуют на остальную более или менее уравновешенную массу, они тормозят нормальный ход педагогической работы в классе, они нуждаются в особом уходе и особых педагогических приемах, наконец, они, выброшенные из школы, пополняют собою все еще не убывающую, но растущую армию беспризорных. <...> их необходимо выделить из остальной массы детей» [35, с. 83]. Иван Пименович отмечает главную трудность подобного обследования – выбор диагностических методик. Из всех учеников 1-й ступени 23 школ Твери признано было безусловно отсталыми или сомнительными в этом отношении 230, их-то и предстоит обследовать тестом Бине в переработке П. П. Соколова и методом профилей Г. И. Россоломо, так как результаты одной методики проверяются результатами другой, в случае расхождения результатов можно прибегнуть к методике Н. Аха. Как о проведенной работе педологического кружка студентов и педологического кабинета он говорит об обследовании идеалов детей Твери и области, результаты которого обрабатываются.

В том же 1926 г. Четвериков приступает к занятиям в Высшей военной педагогической школе в качестве преподавателя [22, л. 20].

Из изданного двухтомника писем Н. Д. Шаховской (Сергиев Посад) ее мужу М. В. Шику, находящемуся в ссылке в Турткуле, мы узнаем, что Иван Пименович был известен в

Москве как детский доктор. Вот Наталья Дмитриевна обеспокоена здоровьем своих малолетних детей и везет их к Четверикову: «Маше и Сереже назначили обтирания, но теплые, Елочке несколько изменен питательный режим» [14, с. 49, 62, 272, 275]. У Маши энурез, она капризничает, и Наталья Дмитриевна считает, что «дело в нервах, и возможно, что есть маленькая истерия, хотя Четвериков этого не нашел» [14, с. 182]. Добавим, что родители Н. Д. Шаховской жили в одном доме с Четвериковыми (Зубовский бульвар, д. 15), и Шики там часто бывали.

В 1928 г. у Четвериковых случилось большое горе – умерла дочь Наталья от менингита, возможно, после это стало причиной смены места жительства – они переехали на Гоголевский бульвар.

Подытоживая перечень мест работы профессора Четверикова в 1920-е гг., обратимся к написанному им документу из семейного архива, где перечислен ряд советских вузов (Ярославский университет и Ярославский педагогический институт, Медико-педологический институт Наркомздрава, Институт ритмического воспитания, Институт дефектологии, Высшая военно-патриотическая школа, Тверской педагогический институт); в Ярославском педагогическом институте организовал кабинет экспериментальной психологии и педологии, средства на который были получены от Ярославского ГубОНО и Здравоотдела за несколько прочитанных докладов на заседаниях этих организаций и на врачебно-санитарном съезде; с 1922 по 1924 г. состоял заместителем председателя одной из подсекций ГУСа; был действительным членом Центрального педологического института, действительным членом ГАХН (до 1930 г.).

Вероятно, в 1929 г. он пришел на работу в Научно-исследовательский институт автомобильной безопасности, где сосредоточился в основном на актуальных и больных вопросах о причинах аварийности на транспорте (особенно автотранспорт) и о психофизиологических методах профилактики катастроф. Иван Пименович пишет: «...по этому вопросу мною закончены два больших исследований, которые имеют интерес для всякого активно участвующего в индустриализации СССР. Компетентный в этих вопросах и единственный в СССР Научно-исследовательский институт Автомобильной Безопасности признал мою работу имеющей научную ценность, постановив напечатать ее в Ученых Трудях Института. Также и Психотехническое Общество приняло тезисы этой работы для доклада на Всесоюзном Психотехническом

съезде, тем самым достаточно засвидетельствовав актуальное значение ее для советской науки» [5]. В домашнем архиве обнаружены две рукописные статьи, скорее всего, они и есть упомянутые исследования.

В статье «Характерологический метод в изучении профессий и профотбора шоферов» (первое название «Типологическое изучение труда авторботников») Четвериков доказывает зависимость частоты несчастных случаев у шоферов от их характерологических черт, утверждая, что «число несчастных случаев в последующей работе зависит (не причинно, конечно) от числа несчастных случаев в предшествующей работе». Он пишет, что характер не есть что-то неподвижное, он изменяется под влиянием окружающей среды. Но при всей его изменчивости в нем все время остаются некоторые неизменные черты, которые дают себя знать во все последующие периоды и остаются одними и теми же при всех его вариациях под воздействием среды. Он рассматривает шофера как представителя определенной профессии, поэтому обосновывает метод профессиональной характерологии, в который основывает на профессиографировании и таком феномене, как «осмысление поступка», понимание его смысла. В результате проведенных исследований Четвериков получил следующие профессиональные типы характеров: хладнокровно-рассудительный, сангвинический, холерический, флегматический и меланхолический, описав их с точки зрения тенденции попадания в аварийные ситуации. Работа издана не была, хотя рукопись показывает полную готовность к печати. Иван Пименович даже сконструировал по составленному им проекту прибор для характерологических исследований шоферов, который потом сдал Институту, освободив последний от валютных затрат на выписку из-за границы аналогичного прибора В. Поппельройтера.

Второй работой, подготовленный, скорее всего, также в 1929 г., стала статья «Эмпиризм в психологии», сохранившаяся в рукописи. Об этой работе расскажем подробнее.

О человеке мы обыкновенно судим по делам, об ученом – по его трудам. В целом это справедливо, но часто бывают обстоятельства, приводящие к тому, что труды в силу тех или иных причин не публикуются. Как, скажем, в случае с Л. С. Выготским, когда его знаменитый трактат «Исторический смысл психологического кризиса» ждал публикации долгие 56 лет... Правда, Л. С. Выготский некоторые идеи этой работы высказал в статьях и предисловиях, И. П. Четверикову этого не удалось. Его работа

1929 г. «Эмпиризм в психологии» так и осталась неопубликованной. Из статьи очевидно, что автор не только глубокий психолог (об этом можно судить по опубликованным в разное время работам и фрагментам), но также методолог и историк психологии, причем высокого уровня. Поэтому для методологии психологической науки обнаружение этой рукописи означает открытие нового, неизвестного ранее имени в сложной области психологии. Яркость фигуры методолога и историка психологии в этом тексте налицо и совершенно очевидна...

Хотя 20-е гг. двадцатого столетия и были в известном смысле расцветом методологии психологии, собственно методологических, специальных сочинений было не так много. Текст рукописи свидетельствует, что автор продолжает традиции отечественной методологии (Н. Н. Ланге, В. Н. Ивановский, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн и др.). Констатируем, что работа И. П. Четверикова оказывается в одном ряду с этими классическими сочинениями.

Машинописная рукопись, довольно объемная – 80 листов. Работа посвящена истории и методологии психологии. Автор анализирует истоки и развитие направления в психологии, которое сформировалось во второй половине 19-го столетия, и показывает превосходное знакомство с литературой, в том числе и не переводившейся в России. Сказываются годы пребывания в Германии, знание европейских языков.

Обратим внимание – это специальное психологическое исследование. «Эмпиризм – это линия направления в развитии психологии, которая определяла психологическую работу на протяжении целого полувека. Понять природу эмпиризма как направления, выявить его основные предпосылки и вытекающие отсюда характерные черты эмпирической психологии особенно важно в настоящее время, когда психология у нас и на Западе ставит своей задачей преодолеть эмпиризм и построить совершенно новые исходные предпосылки». Четвериков предпринимает именно методологическое исследование: «Наша задача заключается в опыте имманентной критики психологического эмпиризма, то есть в указании 1) его внутренних противоречий, 2) невыявленных и часто бессознательно принятых метафизических предпосылок, 3) методологической предвзятости и односторонности. Только такая имманентная критика может наметить те пути, по которым должна идти разработка новой психологии, не просто идущей на смену старой, но органически вырастающей из нее, путем преодоления ее недостатков и усвоения всех ее ценных

достижений». Приведем еще одну цитату из рукописи: «...можно сказать, что эмпирическая психология была господствующим направлением в 19 и начале 20 столетия. Причина этого лежит в самом характере пережитой нами эпохи и культуры. Неокантианство в философии и науке, импрессионизм в искусстве и жизни, все это – характерные явления тогдашней эпохи. Бытие растворялось в явлениях, предметы исчезали в игре красок, теней (Монэ, Ренуар и др.); явления распадалась на элементарные и мимолетные впечатления (пуантизм); наука стремилась освободиться не только от бытия, которое еще до неокантианцев оказалось по ту сторону знания, но и от всякого конкретного содержания, приближаясь к чистой математике...»

Текст работы выдает прекрасное знакомство автора с философскими учениями эпохи, что делает анализ удивительно глубоким. Не имея возможности в рамках настоящего текста анализировать работу в целом, отметим лишь чувствительность автора и к веяниям, духу и стилю эпохи, которая, как считает автор, была эпохой импрессионизма...

Отметим, что за прошедшие с момента написания без малого 90 лет глубокое методологическое сочинение не утратило своего значения для психологического сообщества.

В это же время – 1929–1930 гг. – Иван Пименович переживает большие неприятности: 1 февраля 1930 г. он был отчислен с должности действительного члена ГАХН «по сокращению штатов на основании Постановления Главнауки от 21-го января 1930 г.» [22, л. 37]; по результатам обследования института комиссией Наркомпроса он был уволен «как ярый противник курса рефлексологии и настроенный антиобщественно» [21, с. 136]. К тому времени он читал курс «Основы педагогики», был известным специалистом-педологом.

Кстати, к пребыванию Четверикова в Ярославле относится пока не вполне понятный нам документ. Это запрос из Ярославского областного бюро врачебной экспертизы в ГАХН: просят сообщить, «как справлялся с работой гр. Четвериков И. П. 54 лет, какие имел замечания, пропуска, почему оставил работу» [22, л. 38, 40]. Ответ не дали, так как из-за реорганизации ГАХН отдел, где работал Четвериков, расформировался и работавшие с ним коллеги уволились.

В Институте автодорожной безопасности против него начинается кампания – Четверикова отказываются перерегистрировать в секции МОСНР (московское отделение секции научных работников), что ему представляется как «не-

справедливое и необоснованное опорочивание человека, который свыше 20 лет был профессором в ряде вузов и является учителем не одной тысячи современных советских работников в области школьной педагогики, психологии и проч.». Ему стало известно, что он прошел перерегистрацию, но «затем, под чьим-то влиянием, эта перерегистрация была отменена, и начали поступать от МОСНР требования дополнительных сведений». Осенью 1930 г. было предложено представить работы за последние годы, а через месяц, как он пишет, «потребовали выдать в письменной форме мое отношение к марксизму. В ответе я указал, что темы моих работ и основные принципы их методологии вполне совпадают с основными положениями марксистской методологии. Наконец, от меня требовали официальной справки о моей общественной работе за 1930 г. Таковая справка мною была предоставлена. Но несмотря на все это вторичное постановление по моему делу оказалось отрицательным» [5].

13 февраля 1933 г. И. П. Четвериков был арестован, во время следствия содержался в Бутырском изоляторе. Из протокола допроса читаем его «показания по существу дела»: «Приблизительно года два или три тому назад ко мне на квартиру явилась неизвестная женщина и отрекомендовалась, что она от еп. Варфоломея. Эта женщина просила меня взять на себя обязанности читать в духовной академии лекции по психологии. Так как для меня ясен был вопрос о том, что эта академия нелегальная, а также по причине своей занятости я от этого предложения категорически отказался. Больше по вопросу нелегальной духовной академии я ни с кем не говорил. Священника Н. П. Смирнова я знаю по Киевской духовной академии. Здесь в Москве я его встречал в церкви, где он служит (по ул. Воровского), он всегда при встрече со мной расспрашивал меня о наших общих киевских знакомых. Разговор со Смирновым происходил всегда в церкви.

Вспоминаю, что однажды Смирнов в порядке информации рассказал мне о том, что в Москве существует нелегальная духовная академия и что студенты этой академии ходят к нему, и он им читает лекции. Так как разговор этот происходил в церкви, подробностями существования академии я не интересовался. Смирнов мне предложенный быть преподавателем в этой академии не делал». Далее дополнение: «О своей советской и научной деятельности могу сказать: с 191... я был деканом в Народном, а потом преобразованном Киевском университете им. К. Маркса, об этом может подтвердить тов. Луначарская София

Николаевна, член ВКП(б), работает в НКП. Ежегодно с 1908 г. я читал публичные лекции в пользу политзаключенных, об этом может подтвердить она же – Луначарская. Был членом нелегального о-ва “Молодая Академия”, ставившего своей целью борьбу с правой профессурой – это может подтвердить Отто Юльевич Шмидт – работает директором издательства “Сов. Энциклопедия”, чл. ВКП(б). В последнее время я работаю в ряде научных советских учреждений. С 1929 г. я по вечерам работал в книжной палате – рецензировал книги и статьи, относящиеся к психотехнике» [5].

Заключение по делу № 1497 по обвинению 21 человека гласило: «ОГПУ стало известно о существовании контр-революционной организации церковников, возглавляемой архимандритом б. Петровского монастыря Полянским (осужденным в апреле мес. 1933 г. по делу “Союза христианской молодежи”). Данная организация ставила своей задачей активную борьбу с Соввластью и состояла в своем большинстве из бывш. людей и выходцев из бурж. семей. Практическая к-р работа организации выражалась: в насаждении тайных монахов в совучреждениях, занимающихся пропагандой к-р идей и обработкой в а/с духе служащих, главным образом, молодежи; в создании нелегальных монастырей, являющихся очагами развернутой а/с агитации среди населения; в создании специальной нелегальной духовной академии для подготовки кадров к-р актива; в распространении монархической литературы (дореволюционного издания) и создании спецфонда помощи ссыльным за к-р деятельность церковникам.

Произведенным расследованием установлено, что активисты организации Полянский, Ширинский-Шахматов, Скачков, Прокофьев и др. группировали вокруг церкви Сергея на Дмитровке беглых с разных мест монахов, привлекая одновременно антисоветски настроенную молодежь из числа проверенных “ревнителей церкви”. Эта молодежь вербовалась в тайное монашество и обрабатывалась в духе активной борьбы с безбожием и соввластью. <...> Подготовка к-р кадров для борьбы с безбожием и соввластью производилась через нелегальную “академию” – были бывшие профессора духовных академий.

Один из преподавателей нелегальной академии профессор (поп) Смирнов по существу этого показал: “...перечисленные мною профессора (Лапин, Четвериков), а также лично я идею организации нелегальной академии широко пропагандировали среди прихожан, в том числе и рабочих. <...> Сама организация академии носила

строго конспиративный характер, то есть преподающие профессора знали только определенных студентов, так что перечислить состав студентов, за исключением указанных мною в предыдущих показаниях, я не могу. Аналогичные показания по данному вопросу даны обвиняемыми Скачковым, проф. Лапшиным и др.”» [5].

На основании таких показаний, целиком выдуманных, был осужден 21 человек, среди них И. П. Четвериков, с 28 марта 1933 г. Отправленный в ссылку на три года в Казахстан, в г. Актюбинск. (15 декабря 1956 г. «Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР не обнаружила каких-либо материалов, свидетельствующих о контрреволюционной деятельности кого-либо из привлеченных к ответственности, в связи с чем Постановление особого совета в отношении всех осужденных подлежит отмене, а дело – прекращению производством за отсутствием состава преступления» [5].)

Тогда это был совсем небольшой город, областной центр – 243 автомобиля на всю область, только что открытый аэропорт, звуковой кинотеатр «Культфронт»; в 1934 г. установили телефонную связь с Алма-Атой, открыли городскую музыкальную школу и государственный учительский институт (зачислили 77 человек, из которых 49 казахи). В 1936 г. начал работать Химкомбинат им. С. М. Кирова. В 1935 г. население Актюбинска составляло 41,5 тысяч жителей [24].

Там он жил на ул. Орской, заведовал ДЛПА – детской лечебно-профилактической амбулаторией. Вероятно, для Актюбинска фигура Ивана Пименовича была значимой, и он, несмотря на свой статус ссыльного, был назначен заведующим, как того требовали документы: «Заведывание специальными кабинетами поручается врачу-педологу или педагогу-педологу в соответствии с квалификацией того и другого, так: заведывание кабинетом уха, горла, носа, глазным, зубо-врачебным, педиатрическим, психоневрологическим, биохимическим, антропометрическим и врачебного контроля над физкультурой и санитарно-гигиеническим поручается врачу-педологу; кабинетом педолого-педагогическим, социальной среды, педологической пропаганды и агитации поручается педагогу-педологу; заведующие психотехническим кабинетом и по изучению труда замещаются по конкурсу» [16].

О его жизни в Актюбинске мы можем немного узнать из сохранившегося письма жене, где Иван Пименович пишет, что купил 6 метров белового материала и беспокоится, как переслать побыстрее, сетует, что в магазине было черное шелковое полотно, но он не успел купить из-за

работы. А ее так много, что он не успевает покупать керосин, который можно приобрести раз в месяц. Нужно еще купить дров, но это тоже проблема времени. Сообщает о прибавке к зарплате 10 рублей, а также обсуждает слухи о серьезном пересмотре зарплат врачам. С удовольствием рассказывает о местной научной деятельности: «...у нас в Актюбинске при мне второй раз организуется “Научное медицинское общество”. Первое было организовано в прошлом году и умерло, не проявив жизни. Второе было организовано месяца три тому назад и тоже пока не проявляло своей деятельности, если не считать отчетного доклада о профзаболеваемости на здешнем химическом комбинате врача Старикова. Для оживления общества решили прибегнуть к принудительным мерам. Первой жертвой наметили меня. 10 марта я должен прочитать доклад. Темой наметил себе свою работу с трудными детьми. У меня накопился некоторый материал, который я собираю с большой любовью; мне очень жалко несчастных детишек, которые тяжело переживают свою неуспеваемость в школе. Собственно, хотел бы сказать о методике их исследования. Давно я уже не делал публичных выступлений; но прежде доклады в научных обществах всегда доставляли мне большое удовольствие, поэтому и теперь с большим удовольствием готовлюсь к возобновлению своих выступлений». Ну и беспокойство о близких, огромная любовь и нежность к жене и сыну – в каждой строке письма.

В домашнем же архиве хранится «Выписка из протокола» заседания Президиума Актюбинского Городского Совета от 16 марта 1936 г., где после заслушанного заявления Четверикова о восстановлении его в избирательных правах «постановили: на основании ст. 43 инструкции о выборах в Советы Четверикова Ивана Пименовича из списка лишенных избирательных прав исключить как окончившего срок ссылки».

Только эти скудные факты сообщают нам о жизни Ивана Пименовича в ссылке в Казахстане. Потом он селится в Малоярославце Московской области (сейчас – Калужская обл.), так как крупные города были закрыты для него. Протоиерей Андрей Лобашинский, настоятель церкви Покрова Пресвятой Богородицы с. Карижа Малоярославского района, называет Малоярославец «духовной столицей 101 километра» [27], потому что судьбы многих священников, монахов, монахинь и глубоко верующих мирян оказались в 30-е гг. связаны с этим городом. Бытовые и материальные условия были тяжелые, постоянной работы не было, семья (жена Аделаида Адоль-

фовна и сын Николай) продолжала жить в Москве, и он тайком ездил к ним. Бывшие коллеги иногда давали ему научные тексты для перевода (например, В. И. Вернадский пишет, что Четвериков по заданию Корнилова занимался переводом с немецкого «какой-то книги по психологии, Левина» [6, с. 34–55]).

В сохранившемся в домашнем архиве письме Ивана Пименовича из Малоярославца от 24 августа 1941 г. мы читаем о переживаниях отца за ушедшего на фронт сына, бесконечное беспокойство за жену и попытка ее утешить: «Больно мне, что ты одна, проливаешь слезы и ни поддержки кругом; больно, что не могу тебе помочь. Не согласен с твоим “фатализмом”. Что не могу тебе помочь. Что все, даже злые поступки людей, в целом приводят к положительным результатам, это – мое давнишнее убеждение. Но это – не “фатум”, а Разум мировой; и наша роль – не пассивность ожидания, а содействия этому Разуму. Но философию – в сторону! Верь только в разумность жизни, в правду и не допускай отчаяния, слабости в свою душу. ... Будь, моя дорогая, спокойна и береги себя. Не придавай значения “свинствам”. Такова эпоха. Помни, что мы – на грани перелома европейской, даже шире, нужно включить и Америку, – человеческой мысли и жизни. Мировой дух в своем историческом шествии отметет все ему мешающее и, конечно, всякое “свинство”. И опять – философия... Не сердись за нее».

Известно, что Малоярославец был оккупирован немецкой армией 18 октября 1941 г. и освобожден советскими войсками 2 января 1942 г. Подробностей жизни Ивана Пименовича нам не известно, кроме того, что он работал в учрежденной немецкими властями газете «Неделя» и выступал с речью на открытии ранее закрытого большевиками храма [10, с. 799]. Из города Иван Пименович ушел с немецкими войсками и оказался в Риге, где находилась типография издания «Православный христианин» – печатного органа «Православной Миссии в освобожденных областях России». «Начало его издания было положено в августе 1942 г., спустя год после основания Псковской миссии. В первый год было издано пять номеров журнала, по 30 тыс. экземпляров каждый номер. В 1943 г. число номеров выросло до 14, хотя тираж некоторых с 30 тыс. опустился до 20 тыс. экземпляров. Помимо “Православного христианина”, печатались молитвенники (100 тыс. экз.), и накануне 1943 г. вышел Православный календарь на этот год (30 тыс.), имевший большую популярность» [17].

Об издательской деятельности Миссии в советских публикациях писали: «...деятельность православной миссии шла в направлении проведения среди населения оккупированных немецкими войсками районов Ленинградской области широкой антисоветской агитации путем специальных лекций, бесед, выступлений по радио, церковных проповедей, издаваемых антисоветских листовок, воззваний и газеты “Православный христианин”, а также организации с этой целью массовых религиозных торжеств, крестных ходов, освящения храмов, церквей и т. д. Одновременно с проведением антисоветской агитации теми же средствами проводилась широкая агитация по восхвалению фашистской Германии и ее время как “освободительницы” русского народа от большевистского ига» [3, с. 14]. Или: «Организуя и всемерно поддерживая религиозную диверсию в оккупированных областях, гитлеровцы, конечно же, и не думали удовлетвориться чисто религиозной деятельностью православных церковников, вставших на путь сотрудничества с ними. Захватчиков устраивала только такая религиозная пропаганда, которая имела бы ярко выраженную антисоветскую направленность, воспитывала бы ненависть к советскому строю. Ярким примером такого рода религиозно-антисоветской агитации были писания, публиковавшиеся в ежемесячнике “Православный христианин” с августа 1942 г. В этом издании, ответственным редактором которого был небезызвестный деятель прикрывавшихся церковным флагом белоэмигрантских организаций И. П. Четвериков, религиозная тематика служила только фоном для оголтелой фашистской пропаганды» [1, с. 41–42].

О чем на самом деле были публикации в «Православном христианине»? Как пишет К. Обозный, материалы здесь были самые разнообразные: поучения святых отцов церкви, вероучительные статьи, материалы о «мучениках веры», «делалась даже попытка разобраться, в чем причина тяжелых испытаний, обрушившихся на Россию, на Русскую церковь»; в рубрике «Ученые люди и вера в Бога» писали об Ампере и Бисмарке, Песталоцци и Пушкине, Павлове и Лейбнице; печатались произведения классиков русской литературы – А. Плещеева, А. Майкова, А. Ремизова, Ф. Достоевского [17]. «Главное, что хотели донести издатели “Православного христианина” до своих читателей, это понимание закономерности трагических событий последних 20 лет. Народ православный в своем большинстве, по сути, отвернулся от Бога. ...Только пока-

яние и оживление духовной жизни могло вернуть его в лоно Церкви» [17].

Иван Пименович стал ответственным редактором «Православного христианина» только в 1944 г., уже проживая в Риге, куда он приехал 26 октября 1943 г., что видно из домовой книги. Латвийский государственный архив сохранил регистрационную карточку «беженца» (беженцами в оккупированной нацистами Латвии называли людей как насильственно привезенных из прифронтовой полосы, так и добровольно бежавших от Советов). Карточка на немецком, латышском и русском языках. Видно, что она была составлена в связи с обменом документов Ивана Пименовича 30 мая 1944 г.: «Иван Четвериков, род. 19 января 1880, русский, православный, редактор, женат, проживает в Риге по ул. Данцигас 15–1». Это был дом Дмитрия Фейгманиса. Четвериков перемещался в западном направлении по мере продвижения Советской Армии, и после взятия Смоленска переместился в Ригу, к своей родной сестре – Марии Пименовне, бывшей замужем за Густавом Фейгманисом. Но перед войной, когда в Латвию пришли советские войска, они были высланы, и Ивана Пименовича принял их сын Дмитрий.

Где же он был до Риги? В Смоленске, куда приехал из Рославля, – об этом мы узнаем из статьи «Чествование Митрополита Экзарха Сергия» в газете «Двинский вестник» от 20 октября 1943 г. («Двинский Вестник» – русская еженедельная газета, выходившая на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны в г. Даугавпилс (Двинск) для Латгалии в 1942–1944 гг. во время немецкой оккупации.) Речь идет о праздновании десятилетнего служения Митрополита Экзарха Сергия (Воскресенского), проходившем в Риге; автор, перечисляя гостей, пишет: «Прибывший из Смоленска профессор бывшей Киевской Академии И. П. Четвериков указал, что в тяжелое для церкви время, в котором пришлось служить в Советском Союзе юбиляру, 10-летний юбилей может быть воспринимаем как юбилей гораздо более продолжительной деятельности. Темп жизни достиг такой скорости, что десять лет в Сов. России едва ли не равняются пятидесяти годам в России дореволюционной. В дальнейшем профессор И. Четвериков указал, что мы живем во времени исторических битв, долженствующих решить исход борьбы между этими мирозерцаниями: мирозерцанием “снизу”, то есть материалистическим учением, и мирозерцанием “сверху”, которое, однако, не соответствует общепринятому философскому идеалистическому учению. Это последнее мирозер-

цание “сверху” является духовно-религиозным пониманием жизни и ее проблем, и поэтому понятно, что теперь Церковь не может остаться в стороне от великих мировых борений. Церковь становится воинствующей, и вождем такой Церкви является Владыка Митрополит» [32].

В Риге, работая главным редактором «Православного христианина», Иван Пименович и сам пишет заметки и статьи. Нам удалось обнаружить некоторые из них.

Это «Преподобный Серафим Саровский» – биографический очерк об известном в православии святом, «для которого смысл жизни человека и истории всего человечества – “стяжание Духа святого”» [19]. Через рассказ о трудной жизни преподобного Серафима автор стремится внушить читателю терпение и оптимизм: «Внешнее устройство жизни его не привлекало; он весь ушел в таинственную глубину своего сердца, где оно соприкасалось с глубиной Божества и откуда начинается мост к сердцу ближних. И в других он старался прежде всего пробудить внимание к “потаянному сердцу человека”» [19]. Статья не подписана, но в домашнем архиве хранятся машинописные страницы этого текста, которые семья получила после смерти Четверикова из Германии.

Статья «О смысле Поста» была опубликована в пасхальном номере журнала; автор писал: «Смысл поста – прежде всего в преображении человека, в освобождении его от рабства плоти, в одухотворении тела, в возвращении любви, направленной после грехопадения на удовольствия от удовлетворения стихийных процессов, к цели этих процессов, к преображению мира» [20]. Поэтому пост – никак не уныние и траур, а «весна души нашей», которая «должна быть непрерывным нашим делом, “весна постная” должна постоянно цвести в нашей душе» [20].

В предисловии к двум рассказам духовного писателя В. Н. Никифорова-Волгина (1900–1941), репрессированного и расстрелянного в Кирове, мы видим Четверикова-филолога. Приведем большую цитату, так как пока это единственный образчик литературоведческого текста «зрелого» Ивана Пименовича (В домашнем архиве сохранились лекции по русской литературе, изложенные в 1914–1915 гг.): «В освобожденных от большевизма странах остро стал вопрос о советском языке, – является ли он дальнейшим развитием русского языка или его упадком? Под влиянием советских газет и книг, митинговых речей в народный язык проникали целые массы новых слов и оборотов. Обогащение ли это народной речи или затемнение чувства родного языка? Не-

которые говорят, что все эти новые слова и обороты «выстраданы» народом, что он никогда не откажется от них, а обязанность интеллигенции – их хранить.

Здесь смешиваются два вида новых слов: 1) слова, действительно в муках рожденные народом, и 2) слова жаргонной, частью кружковой, частью интернациональной речи. Первая группа слов незначительна и не она характеризует так называемый “советский язык”. Последний организовался из жаргонной речи. Проф. Селищев (Московский Университет) в конце 20-х гг. текущего столетия выпустил капитальную работу “Язык революции”, в которой собрал и классифицировал все новые “революционные” слова и обороты. Для каждой группы он установил источник их происхождения, а именно – жаргоны: семинарский, тюремный, “юго-западной России” – проще – еврейский и т. п. Это – вовсе не языковое творчество, а заимствования, совершенно не соответствующие духу русского языка ни по словообразованию, ни по ударению, ни по смыслу.

Русский язык загрязнялся еще и до революции, особенно грязными терминами русской ругани. Возрождение России предполагает и возрождение русского языка. А для этого необходимо вернуться к старо-русскому языку, языку Пушкина и его преемников в литературе. Но не для того, чтобы остановиться на нем, а чтобы устранить все языковые наслоения как результат начавшегося разложения русской души, завершившегося большевизмом, чтобы возродить в народе чувство русского языка и чтобы пробудить действительное народное творчество.

Еще Пушкин отметил, что “язык славянорусский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими; судьба его была счастливейшая”, он питался от трех источников, – древне-греческого, церковно-книжного и просто-народного. ... Особенно необходимо подчеркнуть – “книжно-славянский язык”, в годы советчины изгнанный из школы не только средней, но даже и высшей и нами теперь забытый» [6]. Предисловие предваряет рассказы Никифорова-Волгина, ярко иллюстрирующие красоту церковнославянского языка.

И еще одна статья Четверикова, обнаруженная в журнале «Православный Христианин», написана на трагическую смерть Митрополита Сергия (Воскресенского) (1897–1944) – епископа Русской православной церкви, митрополита Виленского и Литовского, бывшего с 24 февраля 1941 г. Патриаршим Экзархом Прибалтики. Он был убит 29 апреля 1944 г., 4 мая его отпевали в

кафедральном Христорождественском соборе г. Риги, и вскоре вышел номер журнала со статьей «Вечная память». Иван Пименович пишет об Экзархе как трагической личности, в чьем сердце «боролись две могучие силы: жизненная мощь и устремленность в мир красоты, в царство Христа-Солнца» и чья «житейская внутренняя трагическая борьба завершилась окончательной победой духа, а любовь до смерти победила смерть» [32].

Кроме редакторской деятельности, Иван Пименович вел просветительскую работу. Так, в «Рижской газете» за 20 апреля 1944 г. читаем: «29 апреля 1944 г. Русский Комитет устраивает в пользу эвакуированных в помещении Большой Гильдии лекцию профессора И. П. Четверикова «Индивидуализм и одиночество в философии и жизни нового времени».

Итак, в Риге Четвериков был прописан с 26 октября 1943 г. по 19 августа 1944 г., пока не получил документ, подтверждающий его право беженца и позволивший ему уехать 5 августа 1944 г. в Германию. Дальше следы его обнаруживаются уже за границей, где продолжают скитания русского ученого, начавшиеся арестом в 1933 г. Он умер в 1969 г. и похоронен на кладбище в г. Корнталь-Мюнхинген (Германия).

Впрочем, жизнь и творчество И. П. Четверикова в Европе в последний год войны и в послевоенную эпоху требуют отдельного описания и анализа.

Начинается новая эпоха... Времена не выбирают...

Не подлежит сомнению, что мы на пороге очередного возвращения: ясно, что публикация и анализ неизвестных произведений ученого и мыслителя и введение в научный оборот новых найденных документов о его жизни не только обогатят жизнеописание И. П. Четверикова как психолога и педагога, религиозного мыслителя и философа, заставив дополнительно задуматься о тяжелом и противоречивом периоде в истории нашего отечества, но и добавят новые штрихи в панораму интеллектуальной и духовной жизни общества, для понимания которой важна каждая мыслящая и чувствующая индивидуальность.

Библиографический список

1. Балевиц, З. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944) [Текст] / З. Балевиц. – Рига : Зинатне, 1967. – 91 с. – С. 41–42.
2. Борейко, Л. П. Высоко-Петровский мужской православный монастырь в истории Русской Православной Церкви. Выпускная квалификационная работа по экскурсоведению ; рук.: к. ф. н. Н. В. Лапшина [Текст] / Л. П. Борейко. – М. : Отдел

религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви ; Богословско-педагогические (катехизаторские) курсы во имя сщмч. Фаддея, архиепископа Тверского, 2010. – 63 с.

3. Веверс, Я. Я. Православная духовная миссия – агентура фашистской разведки [Текст] / Я. Я. Веверс. – Рига, 1973. – 22 с.

4. Вернадский, В. И. Дневники. 1935–1941. – Кн. 1 : 1935–1938 гг. [Текст] / В. И. Вернадский. – М., 2006.

5. Домашний архив семьи Четвериковых /
6. И. Ч. Из книги В. Никифорова-Волгина «Земля именинница». Предисловие [Текст] / И. Ч. // Православный христианин. – 1944. – № 5 (22).

7. Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Т. 1. Исследования / под ред. Н. С. Плотникова и Н. П. Подземской при участии Ю. Н. Якименко [Текст]. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 456 с.

8. Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Т. 2. Публикации / под ред. Н. С. Плотникова и Н. П. Подземской при участии Ю. Н. Якименко [Текст]. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 928 с.

9. Калининский государственный педагогический институт им. М. И. Калинина : сб. ст., посвященный 40-летию института, 1917–1957 [Текст]. – Калинин, 1958.

10. Київська духовна академія в іменах: 1918–1924: енциклопедія: в 2 т. / упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. [Текст]. – Т. 1: А-К. – К. : Вид. дім. «Києво-Могилянська академія», 2015. – 740 с. Т. 2: Л-Я. К. : Вид. дім. «Києво-Могилянська академія», 2016. – 1004 с.

11. Кондратьев, А. И. Российская академия художественных наук [Текст] / А. И. Кондратьев // Искусство. – 1923. – № 1. – С. 407–449.

12. Мазилев, В. А. История психологии: проблема факта [Текст] / В. А. Мазилев // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 3. – С. 151–158.

13. Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века. Письма М. В. Шика (свящ. Михаила) и Н. Д. Шаховской (Шаховской-Шик): в 2-х тт. [Текст]. – М. : Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2016. – Т. 2. – 672 с.

14. Никольский, В. А. В тверском педагогическом. Двадцатые годы [Текст] / В. А. Никольский // Мои университеты : сб. воспоминаний выпускников и сотрудников университета. – Тверь, 2006. – С. 78–79.

15. Об организации педологической работы в краевых и областных центрах [Текст] // Педология. – 1929. – № 4. – С. 651–652.

16. Обозный, К. Псковская православная миссия в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс] / К. Обозный. – Режим доступа: <http://krotov.info/history/20/1940/1941oboz.html>

17. Орловский С. (С. Н. Шиль) Мемуары. Письма. Переводы. Стихотворения [Текст] / С. Орловский. – М. : РГГУ, 2017. – 399 с.

18. Преподобный Серафим Саровский [Текст] // Православный христианин. – 1944. – № 1/2 (18/19).

19. Проф. И. Ч. О смысле Поста [Текст] / И. Ч. // Православный христианин. – 1944. – № 3/4 (21/21).

20. Профессора ЯГПУ. 1918–2008: биографические очерки (сост. А. В. Еремин; под ред. д-ра истор. наук, проф. М. В. Новикова) [Текст]. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2008.

21. Пустошилов, М. А. История Актюбинска в датах [Электронный ресурс] / М. А. Пустошилов. – Режим доступа: <http://myaktobe.kz/archives/992>

22. РГАЛИ. Ф. 941, оп. 10, Д. 685.

23. Российское научное зарубежье: материалы для библиографического словаря. – Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX – первая половина XX в. / под ред. Н. Ю. Масоликовой, М. Ю. Сорокиной [Текст]. – М. : Дом Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына, 2010. – 124 с. – С. 104–105.

24. Сизинцев, П. В. Критический обзор биографии профессор И. П. Четверикова [Текст] / П. В. Сизинцев // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 12. – С. 26–28.

25. Сизинцев, П. В. Критический обзор биографии профессор И. П. Четверикова [Текст] / П. В. Сизинцев // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 12. – С. 26–28.

26. Создается Благотворительный фонд «101 км. Подвижники Малоярославца» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://orthodoxy.ru/node/828>

27. Стоюхина, Н. Ю., Мазиллов, В. А. Забытый съезд: первый всероссийский съезд по психоневрологии [Текст] / Н. Ю. Стоюхина, В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 2. – № 4. – С. 251–260.

28. Стоюхина, Н. Ю., Мазиллов, В. А. Четвериков Иван Пименович: данные биографии № 1 [Текст] / Н. Ю. Стоюхина, В. А. Мазиллов // История российской психологии в лицах: дайджест. – 2016. – № 4. – С. 34–50.

29. Ткачук, М. Л. Четвериков Иван Пименович [Текст] / М. Л. Ткачук // Киевская духовная академия в именах: 1918–1924: энциклопедия: в 2 т. / упоряд. и науч. ред. М. Л. Ткачук; видп. ред. В. С. Брюховецкшій. – Т. 2: Л–Я. – К.: Вид. дім. «Киево-Могилянська академія», 2016. – 1004 с. – С. 796–802.

30. Физико-психологическое отделение / Отчет Государственной академии художественных наук 1921–1925 [Текст]. – М. : ГАХН, 1926. – 159 с. – С. 8–12.

31. Чествование Митрополита Экзарха Сергия [Текст] // Двинский вестник. – 1943. – 20 октября.

32. Четвериков, И. (проф.) Вечная память [Текст] / И. П. Четвериков // Православный Христианин. – 1944. – № 5 (22).

33. Четвериков, И. К. организации центральной психологической лаборатории в Ярославле [Текст] / И. П. Четвериков // Наш труд. – 1924. – № 7. – С. 44–45.

34. Четвериков, И. П. Педологический практикум Тверского педагогического института [Текст] / И. П. Четвериков // Известия Тверского педагогического института. – 1926. – Вып. 1. – С. 82–86.

Bibliograficheskiy spisok

1. Balevic, Z. Pravoslavnaja cerkov' Latvii pod sen'ju svastiki (1941–1944) [Tekst] / Z. Balevic. – Riga : Zinatne, 1967. – 91 s. – S. 41–42.

2. Borejko, L. P. Vysoko-Petrovskij muzhskoj pravoslavnyj monastyr' v istorii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Vypusknaja kvalifikacionnaja rabota po jekskursovedeniju ; ruk.: k. f. n. N. V. Lapshina. [Tekst] / L. P. Borejko. – M. : Otdel religioznogo obrazovanija i katehizacii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi ; Bogoslovsko-pedagogicheskie (katehizatorskie) kursy vo imja sshhmch. Faddeja, arhiepiskopa Tverskogo, 2010. – 63 s.

3. Vevers, Ja. Ja. Pravoslavnaja duhovnaja missija – agentura fashistskoj razvedki [Tekst] / Ja. Ja. Vevers. – Riga, 1973. – 22 s.

4. Vernadskij, V. I. Dnevnik. 1935–1941. – Kn. 1 : 1935–1938 gg. [Tekst] / V. I. Vernadskij. – M., 2006.

5. Domashnij arhiv sem'i Chetverikovykh

6. I. Ch. Iz knigi V. Nikiforova-Volgina «Zemlja imennica». Predislovie [Tekst] / I. Ch. // Pravoslavnyj hristianin. – 1944. – № 5 (22).

7. Iskusstvo kak jazyk – jazyki iskusstva. Gosudarstvennaja akademija hudozhestvennykh nauk i jesteticheskaja teorija 1920-h godov. T. 1. Issledovanija / pod red. N. S. Plotnikova i N. P. Podzemskoj pri uchastii Ju. N. Jakimenko [Tekst]. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. – 456 s.

8. Iskusstvo kak jazyk – jazyki iskusstva. Gosudarstvennaja akademija hudozhestvennykh nauk i jesteticheskaja teorija 1920-h godov. T. 2. Publikacii / pod red. N. S. Plotnikova i N. P. Podzemskoj pri uchastii Ju. N. Jakimenko [Tekst]. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. – 928 s.

9. Kalininskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im. M. I. Kalinina : sb. st., posvjashhennyj 40-letiju instituta, 1917–1957 [Tekst]. – Kalinin, 1958.

10. Kiievskaja duhovna akademija v imenah: 1918–1924: enciklopedija: v 2 t. / uporjad. i nauk. red. M. L. Tkachuk; vidp. red. V. S. Brjuhovec'kshj. [Tekst]. – T. 1: A–K. – K. : Vid. dim. «Kievo-Mogiljanska akademija», 2015. – 740 s. T. 2: L–Ja. K. : Vid. dim. «Kievo-Mogiljanska akademija», 2016. – 1004 s.

11. Kondrat'ev, A. I. Rossijskaja akademija hudozhestvennykh nauk [Tekst] / A. I. Kondrat'ev // Iskusstvo. – 1923. – № 1. – S. 407–449.

12. Mazilov, V. A. Istorija psihologii: problema fakta [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2017. – № 3. – S. 151–158.

13. Nepridumannye sud'by na fone ushedshego veka. Pis'ma M. V. Shika (svjashh. Mihaila) i N. D. Shahovskoj (Shahovskoj-Shik): v 2-h tt. [Tekst]. – M. : Kul'turno-

prosvetitel'skij fond «Preobrazhenie», 2016. – T. 2. – 672 s.

14. Nikol'skij, V. A. V tverskom pedagogicheskom. Dvadcatye gody [Tekst] / V. A. Nikol'skij // Moi universitety : sb. vospominanij vypusnikov i sotrudnikov universiteta. – Tver', 2006. – S. 78–79.

15. Ob organizacii pedologicheskoy raboty v kraevykh i oblastnykh centrakh [Tekst] // Pedologija. – 1929. – № 4. – S. 651–652.

16. Oboznyj, K. Pskovskaja pravoslavnaia missija v 1941–1944 gg. [Elektronnyj resurs] / K. Oboznyj. – Rezhim dostupa: <http://krotov.info/history/20/1940/1941oboz.html>

17. Orlovskij S. (S. N. Shil') Memuary. Pis'ma. Perevody. Stihotvoreniia [Tekst] / S. Orlovskij. – M. : RGGU, 2017. – 399 s.

18. Prepodobnyj Serafim Sarovskij [Tekst] // Pravoslavnyj hristianin. – 1944. – № 1/2 (18/19).

19. Prof. I. Ch. O smysle Posta [Tekst] / I. Ch. // Pravoslavnyj hristianin. – 1944. – № 3/4 (21/21).

20. Professora JaGPU. 1918–2008: biograficheskie ocherki (sost. A. V. Eremin ; pod red. d-ra istor. nauk, prof. M. V. Novikova) [Tekst]. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2008.

21. Pustoshilov, M. A. Istorija Aktjubinska v datah [Elektronnyj resurs] / M. A. Pustoshilov. – Rezhim dostupa: <http://myaktobe.kz/archives/992>

22. RGALI. F. 941, op. 10, D. 685.

23. Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e : materialy dlja bibliograficheskogo slovarja. – Vyp. 2 [Pilotnyj]: Psihologicheskie nauki: HHH – pervaja polovina HH v. / pod red. N. Ju. Masolikovoj, M. Ju. Sorokinov [Tekst]. – M. : Dom Russkogo Zarubezh'ja im. A. I. Solzhenicyna, 2010. – 124 s. – S. 104–105.

24. Sizincev, P. V. Kriticheskij obzor biografii profesora I. P. Chetverikova [Tekst] / P. V. Sizincev // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. – 2016. – № 12. – S. 26–28.

25. Sizincev, P. V. Kriticheskij obzor biografii profesora I. P. Chetverikova [Tekst] / P. V. Sizincev // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. – 2016. – № 12. – S. 26–28.

26. Sozdaetsja Blagotvoritel'nyj fond «101 km. Podvizhniki Malojaroslavca» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://orthodoxy.ru/node/828>

27. Stojuhina, N. Ju., Mazilov, V. A. Zabytyj s#ezd: pervyj vsrossijskij s#ezd po psihonevrologii [Tekst] / N. Ju. Stojuhina, V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2013. – T. 2. – № 4. – S. 251–260.

28. Stojuhina, N. Ju., Mazilov, V. A. Chetverikov Ivan Pimenovich: dannye biografii № 1 [Tekst] / N. Ju. Stojuhina, V. A. Mazilov // Istorija rossijskoj psihologii v licah: dajdzhest. – 2016. – № 4. – S. 34–50.

29. Tkachuk, M. L. Chetverikov Ivan Pimenovich [Tekst] / M. L. Tkachuk // Kiievskaja duhovna akademija v imenah: 1918–1924: enciklopedija: v 2 t. / uporjad. i nauk. red. M. L. Tkachuk ; vidp. red. V. S. Brjuhovec'kshj. – T. 2: L–Ja. – K.: Vid. dim.

«Kievo-Mogiljanska akademija», 2016. – 1004 s. – S. 796–802.

30. Fiziko-psihologicheskoe otdelenie / Otchet Gosudarstvennoj akademii hudozhestvennykh nauk 1921–1925 [Tekst]. – M. : GAHN, 1926. – 159 s. – S. 8–12.

31. Chestvovanie Mitropolita Jekzarha Sergija [Tekst] // Dvinskij vestnik. – 1943. – 20 oktjabrja.

32. Chetverikov, I. (prof.) Vechnaja pamjat' [Tekst] / I. P. Chetverikov // Pravoslavnyj Hristianin. – 1944. – № 5 (22).

33. Chetverikov, I. K organizacii central'noj psihologicheskoy laboratorii v Jaroslavle [Tekst] / I. P. Chetverikov // Nash trud. – 1924. – № 7. – S. 44–45.

34. Chetverikov, I. P. Pedologicheskij praktikum Tverskogo pedagogicheskogo instituta [Tekst] / I. P. Chetverikov // Izvestija Tverskogo pedagogicheskogo instituta. – 1926. – Vyp. 1. – S. 82–86.

Reference List

1. Balevits Z. Orthodox church of Latvia in the shadow of swastika (1941–1944) / Z. Balevits. – Riga: Zinatne, 1967. – 91 pages – Page 41–42.

2. Boreyko L. P. The Vysoko-Petrovsky men's Orthodox monastery in the history of Russian Orthodox Church. Final qualification work on excursion study; book: Candidate of in Philosophical Sciences N. V. Lapshina / L. P. Boreyko. – M. : Department for Religious Education and Catechization of the Russian Orthodox Church; Theological-pedagogical (catechetical) courses for the sake of Hieromartyr Faddei, Archbishop Tver, 2010. – 63 pages.

3. Vevers Ya. Ya. An Orthodox spiritual mission – an agency of fascist investigation / Ya. Ya. Vevers. – Riga, 1973. – 22 pages.

4. Vernadsky V. I. Diaries. 1935–1941. – Book 1: 1935–1938 / V. I. Vernadsky. – M., 2006.

5. Home archives of the Chetverikovs

6. I. Ch. From the book by V. Nikiforov-Volgina «The earth of the birthday woman». Preface / I. Ch. // Orthodox Christian. – 1944. – № 5 (22).

7. Art as language – art languages. State academy of art sciences and esthetic theory of the 1920-s years. V. 1. Researches / under the editorship of N. S. Plotnikov and N. P. Podzemskaya with the assistance of Yu. N. Yakimenko. – M. : Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2017. – 456 pages.

8. Art as language – art languages. State academy of art sciences and aesthetic theory of the 1920-s years. V. 2. Publications / under the editorship of N. S. Plotnikov and N. P. Podzemskaya with the assistance of Yu. N. Yakimenko. – M. : novoe Literaturnoe Obozrenie, 2017. – 928 pages.

9. Kalinin State Pedagogical institute named after M. I. Kalinin: articles devoted to the 40 anniversary of the institute, 1917–1957. – Kalinin, 1958.

10. Kiev spiritual academy in names: 1918–1924: encyclopedia: in 2 v. / scientific editorship of M. L. Tkachuk; Editor-in-chief of V. S. Bryukhovetskshy. – V. 1: A–K. – K.: «Kiev-

- Mogilyansk academy», 2015. – 740 pages. V. 2: L–Ya. K. : «Kiev-Mogilyansk academy», 2016. – 1004 pages.
11. Kondratiev A. I. Russian academy of art sciences / A. I. Kondratiev // Art. – 1923. – № 1. – Page 407–449.
 12. Mazilov V. A. history of psychology: fact problem / V. A. Mazilov // Yaroslavl pedagogical bulletin. – 2017. – № 3. – Page 151–158.
 13. Not thought up destinies against the background of the past century. M. V. Shik's letters (priest Mikhail) and N. D. Shakhovskaya (Shakhovskaya-Shik): in 2 vol. – M. : Cultural and educational fund «Preobrazhenie», 2016. – V. 2. – 672 pages.
 14. Nikolsky V. A. In Tver pedagogical. Twentieth years / V. A. Nikolsky // My universities: collection of memoirs of the university graduates and staff. – Tver, 2006. – Page 78–79.
 15. About the organization of pedological work in the regional and regional centers // Pedology. – 1929. – № 4. – Page 651–652.
 16. Obozny K. Pskov Orthodox mission in 1941–1944 [An electronic resource] / K. Obozny. – Access mode: <http://krotov.info/history/20/1940/1941oboz.html>
 17. Orlovsky S. (S. N. Shil) Memoirs. Letters. Translations. Poems / S. Orlovsky. – M. : RSHU, 2017. – 399 pages.
 18. Reverend Seraphim of Sarov // Orthodox Christian. – 1944. – № 1/2 (18/19).
 19. Prof. I. Ch. On sense of the Fast / I. Ch. // Orthodox Christian. – 1944. – № 3/4 (21/21).
 20. YSPU Professors. 1918–2008: biographic essays (author A. V. Eremin; under the editorship of Doctor of Historical Sciences, Prof. M. V. Novikov). – Yaroslavl : YSPU Publishing House, 2008.
 21. Pustoshilov M. A. History of Aktyubinsk in dates [An electronic resource] / M. A. Pustoshilov. – Access mode: <http://myaktobe.kz/archives/992>.
 22. RGALI. V. 941, list. 10, D. 685.
 23. Russian scientific abroad: materials for the bibliographic dictionary. – Issue 2 [Pilot]: Psychological sciences: XIX – the first half of the 20th century / under the editorship of N. Yu. Masolikova, M. Yu. Sorokina. – M. : The house of the Russian Abroad named after A. I. Solzhenitsyn, 2010. – 124 pages – Page 104–105.
 24. Sizintsev P. V. Critical review of Professor I. P. Chetverikov's biography / P. V. Sizintsev // Society: philosophy, history, culture. – 2016. – № 12. – Page 26–28.
 25. Sizintsev P. V. Critical review of Professor I. P. Chetverikov's biography / P. V. Sizintsev // Society: philosophy, history, culture. – 2016. – № 12. – Page 26–28.
 26. The Charity foundation «is created by 101 km. Devotees of Maloyaroslavets» [Electronic resource]. – Access mode: <http://orthodoxy.ru/node/828>
 27. Stoyukhina N. Yu., Mazilov V. A. The forgotten congress: the first All-Russian congress on psychoneurology / N. Yu. Stoyukhina, V. A. Mazilov // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2013. – V. 2. – № 4. – Page 251–260.
 28. Stoyukhina N. Yu., Mazilov V. A. Chetverikov Ivan Pimenovich: these biographies № 1 / N. Yu. Stoyukhina, V. A. Mazilov // History of the Russian psychology in persons: digest. – 2016. – № 4. – Page 34–50.
 29. Tkachuk M. L. Chetverikov Ivan Pimenovich / M. L. Tkachuk // Kiev academy in names: 1918–1924: encyclopedia: in 2 v. / scientific editorship of M. L. Tkachuk; editor-i-chief V. S. Bryukhovetskshy. – V. 2: L–Ia. – K. : «Kiev Mogilyansk academy», 2016. – 1004 pages – Page 796–802.
 30. Physical-psychological department / Report of the State academy of art sciences 1921–1925. – M. : GAHN, 1926. – 159 pages – Page 8–12.
 31. Celebration of the Metropolitan Exarch Sergiya // Dwina bulletin. – 1943. – October 20.
 32. Chetverikov I... (Prof.). Imperishable memory / I. P. Chetverikov // Orthodox Christian Believer. – 1944. – № 5 (22).
 33. Chetverikov I. To organization of the central psychological laboratory in Yaroslavl / I. Chetverikov // our Work. – 1924. – № 7. – Page 44–45.
 34. Chetverikov I. P. Pedologist workshop of Tver Pedagogical Institute / I. Chetverikov // News of Tver Pedagogical Institute. – 1926. – Issue 1. – Page 82–86.